

Южный край. Харьков, 1913. 30 июля. № 11547. С. 3.

Заведенный порядокъ.

1.

Въ письмахъ Чехова, такихъ исключительно-интимныхъ, обаятельныхъ и душевныхъ, встрѣчается шутливое по формѣ, но глубоко-вѣрное по существу замѣчаніе по адресу беллетристовъ и драматурговъ:

— Не надо искать необыкновеннаго, писать о томъ, какъ «онъ», въ поискахъ неведомаго идеала, отправился на Шницбергъ, а неутѣшная «она» съ истерзанной душой взобралась на Ивана Великаго и бросилась оттуда на мостовую. Гораздо важнѣе и интереснѣе, какъ обыкновеннѣйшій Петръ Ивановичъ женился на зауряднѣйшей Марѣ Николаевнѣ, и что изъ этого вышло...

Самъ Чеховъ, конечно, не видѣлъ непогрѣшимаго догмата въ этомъ указаніи. Если бы Яго не началъ своей интриги противъ Дездемоны, если бы Отелло не повѣрилъ Яго,—онъ, конечно, не задушилъ бы своей бѣлокурой красавицы-жены. Спокойно и регулярно текла бы, надо думать, семейная жизнь супруговъ. Имъ послалъ бы Богъ цѣлую груду здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтишекъ, чернотелыхъ Отелленочковъ и Дездемонятъ, но гениальной драмы не было бы и въ поминѣ. Шекспиру нечего бы и дѣлать въ этомъ счастливомъ случаѣ.

Анна Каренина, въ свою очередь, могла бы и не встрѣтить Вронскаго и не измѣнить мужу, и такъ бы и не увидѣла, какъ нелѣпо разставлены оттопырившіяся уши ея корректнаго супруга. Она не бросилась бы подъ поѣздъ и мирно окончила бы дни свои въ качествѣ уважаемой дамы-патронессы, но не обезсилило бы развѣ, не обезцвѣтило ли бы это жптейское благополучіе гениальное произведеніе гиганта Толстого?

Беллетристика и драматургія не можуть доводитися тільки золотою серединою. В їхнєм мнужє «отъ игры», и они неизбежно интересуются яркимъ и не вовсе зауряднымъ.

— И вотъ тутъ за мѣсто полеску!—говоритъ Волота въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ».

— Итъ, итъ! Иди и ты. Иначе, какая же это игра. Если этого, игры не будетъ...

Но если беллетристика и драматургія неразлучны съ игрой, то публицистика,—это, вѣдь, дѣло. Посту немая писать «про дурного город-пого», но публицисту... Какъ не интересоваться ему, какъ не волноваться, не мучиться заурядѣйшимъ «дурнымъ городомъ»... Вѣф, вѣдь, и по сей день «вошь немъ ходила». И чѣмъ заурядѣе случай, тѣмъ онъ и важнѣе.

У публициста нѣтъ никакихъ основаній предпочитать телескопъ, черезъ который видны звѣзды, микроскопу, показывающему бактеріи...

То, что ярко выясняется въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ Сенатѣ съ неменьшею вышуклостью, видно иной разъ не только въ процессахъ окружнаго суда, но и въ дѣлахъ, подлежащихъ мнужь мировому—всего-на-всего—судѣ.

Но поучительно ли это? Правды на суму «не свыше трехсотъ рублей» оказывается такъ же ярка, какъ и правда всего нашего, черезъ три миллиарда переобравагося бюджета.

2.

Дѣло швейцара гостиницы «Асторія», разсматриваемое еще только-что петербургскими мировымъ судьей,—это не первое дѣло института швейцаровъ при этой гостиницѣ. За послѣдніа дѣя—три неѣли уже три раза, оказывается, призывали швейцара «Асторіи» къ судебному столу.

Причины этихъ вызововъ не блещутъ разнообразіемъ. Мордобой,—вотъ дѣяніе, въ третій разъ выкрывминируемое этому институту швейцаромъ.

Мужикъ, возлѣ двери остановился,—хлопъ по физиономіи мужика! Шофферъ хочетъ полностью получить слѣдующія ему деньги, и не соглашается дѣлаться со швейцаромъ,—боцъ по хордѣ шоффера! Лихачъ не хочетъ поблагодарить швейцара.—трахъ по роуѣ лихача!

Какіе рѣшительные швейцары въ этой «Асторіи», находящейся въ самомъ центрѣ Петербурга, куда возли и французскихъ гостей, и итальянскихъ, и пр. знатныхъ иностранцевъ, удостоивающихъ насъ визитами. Хорошо, что хоть иностранныхъ гостей не вздумалъ хлопнуть по мордѣ уважаемый швейцаръ.

Самъ по себѣ исторія съ мордобитіемъ, быть можетъ, и не заслуживала бы вниманія. Мало ли у насъ это-го! Но чрезвычайнаго любопытнаго случая—самый «институтъ швейцаровъ», а на послѣднемъ, третьемъ по счету процессѣ, объ избіеніяхъ «помощника швейцара» «Асторіи» добиваясь еще и обосновать идеиную позицію свою...

— Такъ что я не по собственной инициативѣ дѣйствую...—объясняетъ «помощникъ швейцара», оправдываясь передъ судомъ:—Я, вѣдь, по заведенному порядку поступаю...

Давнымъ давно, а впрямду, вѣднужь, прочно заведенный порядокъ этотъ.

Пострадавшіе хотъ мордобоя—случайны, но самъ порядокъ безусловно постояннъ. Шофферъ, мужикъ, лихачъ,—эти отдельные поплатившіеся персонажи,—они всего только звенья общей цѣпи. Самъ швейцаръ, хлопаящій ихъ по зубамъ, онъ вовсе не горячится, не азартничаетъ. Онъ только плавно и осушествляетъ заведенный порядокъ. Онъ случайно поуженный пияѣ въ катажанку, швейцаръ—онъ только спокойный исполнитель.

Самъ по себѣ швейцаръ, какъ представитель надзирающей за нами комтегія,—человѣкъ, вовсе не случайный. Онъ важнъ и важнѣйшій винтикъ въ механизмѣ государственности. Онъ—непосредственный наблюдатель, по его же собственнымъ словамъ:

— Кто пришелъ, къ кому пришелъ, съ чѣмъ и для чего пришелъ,—кто же еще, если не швейцаръ будетъ слѣдить за этимъ?

Въ длинномъ ряду опекающихъ насъ наблюдателей онъ, швейцаръ, ближайшій къ намъ. «Наблюдають» же у насъ, какъ вѣднужь, за всѣми. Престарѣлый князь Мещерскій еще только что разсказалъ намъ свои переживанія: чѣмъ больше было его, князя Мещерскаго, пѣднужь,—тѣмъ больше и усилениѣ слѣдили за нимъ, за его письмами, его знакомствами и бесѣдами. Что же намъ, простымъ то смертнымъ, обижаться!

В. К. Пезе доставлялись, какъ недавно выяснилось, кони съ частныхъ писемъ Лопухина, но и Лопухину доставляли, надо думать, кони съ писемъ В. К. Пезе. Здѣсь есть круговая порука въ этой системѣ!

Много отдельныхъ деталей этой системы успѣло уже раскрыться. Отъ Азефа и до рядового швейцара однородна она—система эта.

Во время процесса Рейнбота-Московскаго выяснилось, напр., что передъ рѣшеніемъ вопроса о роспускѣ I Думы—у Рейнбота наводили «справку о настроеніяхъ» Москвы. У Рейнбота же былъ чиновникъ Кедровъ, чья обязанность была давать Рейнботу справки о приставахъ, и слѣдить за ихъ прѣставовъ, поведеніемъ, причемъ приставъ отмѣчался Кедровымъ по 12-балльной системѣ.

— За поведеніе—8, за цѣлоустріе 4+, за честность—2, за сообразительность—6, за патриотизмъ и энергію—12...

Кедровъ, какъ оказалось, бралъ взятки за повышеніе балловъ. Но это ничего не значить.

Наводили справки у Рейнбота о роспускѣ Думы Рейнботъ, въ свою очередь, наводилъ справки о приставахъ у Кедрова, а у приставовъ—о насъ, обывателяхъ. И поэтому пристава не могли не наводить справокъ у непосредственныхъ наблюдателей за нами—у швейцаровъ. Швейцаръ—это важный и значительный постъ. И если захѣщающие этотъ постъ оказываются безгражданскими и пьяными, сами они хлопають по физиономіи встрѣчныхъ, и потому на судѣ уѣзряють, что они осуществляютъ этимъ «заведенный порядокъ»—то это не случайность, погрѣшность, а

характерная и важная особенность наблюдательной системы нашей.

3.

Общественное вниманіе неравномерно распредѣляется между героями современности.

— Не надо искать необыкновеннаго. Не надо писать о томъ, какъ «онъ» уѣхать на Шницбергъ, а «она» сверзнулась съ Ивана Великаго!—учить вѣдь еще Чеховъ...

Обыкновенное—оно гораздо значительнѣе и страшнѣе, чѣмъ необычное. Этотъ здоровый парень, котораго взяли изъ деревни, посадили подъ лѣстницу, обрекли на бездѣліе и научили «наблюдать»,—онъ вовсе не маловажное звено въ системѣ.

Не обидѣли ли вы, ненарокомъ, швейцара вашего? Скорѣе улынитесь ему попривѣтливѣе, скорѣе обрадуйте его личнымъ полтинникомъ, иначе,—почемъ знать, какъ скажется дурное настроеніе швейцара на вашихъ дѣлахъ, вашемъ будущемъ, на судьбѣ вашей и близкихъ вамъ людей?!

Швейцаръ «Асторіи», который слишкомъ ужъ увлекся спортомъ хлопанія по физиономіи прохожихъ, отъ всей души искренне говорилъ, что ему «такія права дадены». что онъ «по заведенному порядку» дѣйствовалъ. Ему, швейцару, трудно разобратъ въ предѣлахъ, «даденныхъ» ему правъ, но дѣло не въ немъ, отдѣльномъ представителѣ сословія.

Подъ лѣстницами нашими, въ «швейцаріи»—помѣщается не просто швейцаръ. Здѣсь помѣщается «основа государственной системы».

Система остается, какъ извѣстно, неприкосновенной. Удастся ли настоять на томъ, чтобы хотя этого вотъ незнающаго мѣры швейцара изъ «Асторіи» перемѣнить; не о всей же, въ самомъ дѣлѣ, системѣ мечтать!

И. Василевскій (Не-Буква).